

Саади против Соединенного Королевства
[Saadi v. United Kingdom] (№ 13229/03)

Постановление от 29 января 2008 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

Заявитель, иракский курд, бежал из страны своего происхождения и прибыл в лондонский аэропорт Хитроу 30 декабря 2000 г. Он немедленно попросил убежища, и ему было предоставлен «временный допуск». После уведомления иммиграционных властей 2 января 2001 г. он был задержан и перемещен в Оукингтонский приемный центр, предназначенный для искателей убежища, не имевших склонности к побегу, чьи заявления могли быть рассмотрены по ускоренной процедуре. Ему был вручен стандартный документ, имевший целью разъяснить причины его заключения под стражу, в котором, однако, не указывалось, что он задержан для целей ускоренной процедуры. 5 января 2001 г. представитель заявителя был уведомлен по телефону иммиграционным служащим, что причина заключения под стражу состояла в том, что заявитель был иракцем, отвечающим определенным критериям содержания в приемном центре. Просьба заявителя о предоставлении убежища была первоначально отклонена 8 января 2001 г., и ему было формально отказано во въезде в Соединенное Королевство. Он был освобожден на следующий день, и впоследствии ему было предоставлено убежище после успешного обжалования отказа во въезде. Он потребовал судебной проверки решения о заключении под стражу, в чем ему было окончательно отказано Палатой лордов, которая пришла к выводу о том, что содержание согласно оукингтонскому режиму было соразмерным и разумным. В Постановлении от 11 июля 2006 г. Палата Европейского Суда установила, что по делу требования пункта 1 статьи 5 Конвенции нарушены не были, но было допущено нарушение требований пункта 2 статьи 5 Конвенции в части обязанности уведомления о причинах взятия под стражу (см. «Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека» № 88).*

Вопросы права

По поводу соблюдения требований подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(а) *Что касается значения фразы «с целью предотвращения его незаконного въезда в страну».* Обладая правом контролировать въезд и проживание иностранцев, государство должно иметь право заключать под стражу потенциальных иммигрантов, которые обратились за разрешением на въезд путем ходатайства о предоставлении убежища или иным образом. До получения разрешения на въезд любой въезд считается незаконным, и заключение под стражу лица, которое желает въехать в страну и нуждается, но еще не получило разрешения на это, может в любом значении слова считаться имеющим цель «предотвращения его незаконного въезда в страну». Европейский Суд не может согласиться с тем, что поскольку искатель убежища сдался властям, он предпринял попытку осуществить «законный» въезд. Подпункт «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не предусматривает заключение под стражу исключительно лица, которое стремится обойти ограничения въезда. Такое толкование было бы слишком узким и противоречило бы указаниям и рекомендациям ООН и Совета Европы.

(б) *Что касается произвольности заключения под стражу.* Запрещение произвольного заключения под стражу применяется к заключению под стражу согласно первому условию подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции (незаконный въезд) в той же мере, в какой оно применяется по отношению ко второму условию (высылка или выдача). Таким образом, отсутствует требование о том, что заключение должно обоснованно считаться необходимым, и принцип соразмерности требует только того, чтобы содержание под

стражей не продолжалось неоправданно долго. Соответственно, содержание под стражей согласно первому условию подпункта «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции не будет произвольным, если оно отвечает четырем критериям: оно осуществляется добросовестно; оно тесно связано с целью «предотвращения незаконного въезда в страну»; место и условия содержания под стражей приемлемы с учетом того, что заключенный бежал со своей родины, опасаясь за свою жизнь; продолжительность содержания под стражей не превышает срока, который считается разумно необходимым для преследуемой цели.

Признано, что назначение оукингтонского режима содержания под стражей заключалось в обеспечении ускоренного рассмотрения примерно 13 000 из приблизительно 84 000 заявлений о предоставлении убежища, которые ежегодно поступали Соединенному Королевству в тот период. Достижение этой цели требовало проведения до 150 бесед в день, и даже небольшие задержки могли нарушить исполнение этой программы. Заявитель был отобран для заключения под стражу, поскольку его дело отвечало критериям ускоренной процедуры. Следовательно, национальные власти действовали добросовестно, заключив заявителя под стражу. Фактически введение оукингтонского режима в целом отвечало интересам искателей убежища, ускоряя рассмотрение их требований. Заключение под стражу также было тесно связано с целью предотвращения незаконного въезда в страну, поскольку позволяло рассмотреть требования искателя убежища быстро и эффективно. Что касается места и условий содержания, центр был специально оборудован для искателей убежища и обеспечивал различные возможности досуга, религиозных обрядов, медицинское обслуживание и, что особенно важно, юридическую помощь. Заявитель не жаловался на условия содержания. Наконец, содержание под стражей в течение семи дней до освобождения на следующий день после того, как его заявление о предоставлении убежища было отклонено в первой инстанции, не может считаться превышающим разумный срок, необходимый для того, чтобы безотлагательно рассмотреть его требование о предоставлении убежища. Европейский Суд также отмечает, что обеспечение более эффективной системы рассмотрения значительного числа требований о предоставлении убежища компенсировало излишнее расширение использования полномочий по содержанию под стражей.

Постановление По делу требования статьи 5 Конвенции нарушены не были (вынесено 11 голосами «за» и шестью – «против»).

По поводу соблюдения требований пункта 2 статьи 5 Конвенции. Большая Палата согласилась с доводом постановления Палаты о том, что заявления общего характера – как, например, парламентские – не отменяют необходимости уведомления лица о причинах его задержания или ареста. Заявитель впервые узнал о реальной причине заключения под стражу через своего представителя 5 января 2001 г., к этому сроку он уже содержался под стражей в течение 76 часов.

Притом, что устное уведомление представителя отвечало требованиям пункта 2 статьи 5 Конвенции, задержка такой продолжительности была не совместима с требованием о незамедлительном сообщении причин ареста.

Постановление По делу допущено нарушение требований статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация *В порядке применения статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд счел, что установление факта нарушения Конвенции само по себе является достаточной справедливой компенсацией причиненного морального вреда.
